

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-4-28

УДК 378: 343. 52

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ВУЗЕ

Феоктистов А.В., Пустовойт Ю.А., Мартыненко-Фриауф А.А.

Статья посвящена проблемам возникновения и развития деструктивных образовательных практик в высшей школе. В центре внимания авторов находится комплекс взаимодействий, нарушающих действующие в академической среде нормативные стандарты и этические принципы. Наиболее ярким проявлением деструктивной образовательной практики выступает коррупционная ситуация. На основании анализа публикаций, посвященных динамике коррупционных проявлений в российском высшем образовании, и результатах анкетного опроса, проведенного в техническом вузе, выработан и предложен комплекс рекомендаций, направленных на минимизацию деструктивного поведения в вузе.

Ключевые слова: деструктивная образовательная практика, коррупционная ситуация, высшая школа, студент, профессорско-преподавательский состав.

DESTRUCTIVE EDUCATIONAL PRACTICES AT UNIVERSITY

Feoktistov A.V., Pustovoit Y.A., Martynenko-Friauf A.A.

The article is devoted to problems of origin and development of destructive educational practices at university. The authors focus on complex of interactions that disturb the existing in the academic environment norms and ethical principles. The most vivid evidence of destructive educational practice is the corruption issue. On the

basis of the analyzed publications dealing with dynamics of corruption in the Russian higher education and the results of the survey by questionnaire, carried out at the technical university, the complex of recommendations has been prepared and suggested that is directed at minimization of destructive behavior at university.

Keywords: destructive educational practice, situation of corruption, higher school, student, teaching staff.

В центре нашего внимания находится деструктивные образовательные практики – взаимодействия, при котором действующие формальные и неформальные нормативные стандарты нарушаются в лично-выгодных интересах, и приводят к разрушению самого института высшего образования. Спецификой последнего выступает сочетание исследовательского и образовательного процесса и критикуемые уже в средневековых университетах «схоластика, догматизм и начетничество», отказ от самостоятельных исследований, профанация образования – все это примеры медленной подмены знания, как научного поиска, на знание, как трансляцию некоторых непреложных постулатов, требующих некритического усвоения. Наша статья посвящена наиболее яркому проявлению деструктивного поведения – коррупционным ситуациям, случаям, сочетающим в себе предельный социальный аморализм и институциональную неэффективность. Рост коррупционных ситуаций в системе высшего образования разрушает традиционные механизмы «внутрицеховой» солидарности между «мастерами», «подмастерьями» и «учениками» и в конечном итоге ставит под сомнение саму оправданность существования этих учреждений. Через анализ публикаций, где рассматривается динамика коррупционных проявлений в современном российском высшем образовании и результатах массового опроса проведенного среди студентов провинциального технического ВУЗа рассмотрим механизмы возникновения, динамику и характерные проявления деструктивных практик.

В самом общем виде коррупция определяется как злоупотребление служебными (публичными) полномочиями с целью извлечения личных благ. Такой подход принят в наиболее масштабной мировой программе по исследованию коррупционного поведения в проекте Transparency International. В последних работах, наиболее часто используется принципал-агентская модель, которая построена на различиях ресурсов между участниками взаимодействия. В рамках этой модели принято, что основой коррупционного поведения выступает передача одним участником (принципалом) другому участнику (агенту) полномочий для выполнения некоторых задач и функций в интересах третьих лиц (клиентов). Агент всегда имеет возможность использовать эту возможность для извлечения выгоды. Если рассматривать нашу ситуацию, то, например, преподаватель на экзамене обладает большей компетентностью и опытом для обоснования низкой оценки, чем студент. Это дает возможность экзаменатору интерпретировать практически любой случай в свою пользу, что, при отсутствии сдерживающих факторов, расширяет возможности злоупотреблений. Словом, любая асимметрия полномочий и ресурсов объективно провоцирует коррупционное поведение [2].

Социологический анализ коррупции как это неоднократно отмечалось, не предполагает изначально негативного отношения к этому явлению. Наша цель – понять, как и при каких условиях, это поведение формируется и расширяется, а также предложить комплекс адекватных мер, которые могут способствовать уменьшению числа лиц, вовлеченных в коррупционные сделки. На основе последних исследований, проведенных в этой области, приведем некоторые нетривиальные тезисы, которые обычно не находятся в фокусе внимания.

Во-первых, обычно коррупционное поведение рассматривается, как некоторое системное функциональное (дисфункциональное) явление по аналогии с бюрократией. Здесь обычно говорится о сложной и упорядоченной субординации и незаконном обмене услугами. В работах Д. Рогозина всесторонне обосновывается продуктивность подхода, где коррупционное поведение рассматри-

вается как разновидность сегрегации, не проговариваемого типа поведения, состоящего из намеков и умолчаний. Коррупционные сообщества локальны, ориентированы на внутренние нормы и этос и не склонны впускать в свое сообщество чужаков (то есть, не заинтересованы в расширении масштабов деятельности, что рассматривается как увеличение рисков). Коррупция повсеместна, обыденна и незатейлива (взял деньги – выполнил обещанное). Этология коррупционного поведения предполагает, что люди с коррупционными способностями легко узнают "своих" и объединяются для решения локальных задач [9].

Во-вторых, хотя коррупция дисфункциональна по отношению к государственной власти, через вовлечение в экономический обмен элементов, не являющихся предметами рыночного торга ("власть", "справедливость", "добро" не могут быть по определению предметом сделки и не могут продаваться, "продажный" суд не является судом), она может быть элементом вполне эффективного государственного управления. Если эффективность рассматривать как поддержание некоторого порядка, то чиновник, вовлеченный в коррупционную деятельность, более зависим от своего начальства и требует для своего содержания меньше ресурсов. Россия вполне укладывается в общую категорию авторитарных коррумпированных, но относительно эффективных государств [10]. Борьба с экономической коррупцией (под которой чаще всего подразумевается взяточничество) может быть элементом политической борьбы и использоваться как средство дискриминации политических соперников и, в то же время, коррупция может быть элементом политического управления. Попустительствуя мелким прегрешениям своих подчиненных, более высокие уровни иерархии обеспечивают себе устойчивую лояльность и поддержку. В работе, посвященной механизмам формирования советского человека "Машина и винтики", М. Геллер отнес коррупцию к инструментам формирования инфантильной, зависимой личности. Показателен взятый им у Ф.Достоевского эпиграф к этой главе: "О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы позволим им грешить" [4,с.35].

В-третьих, коррупция может рассматриваться как элемент социальной борьбы, своеобразное "оружие слабых", возможностью реализовать свои намерения депривированным слоям населения. Взятка, для "простого человека" – это простой нетрудоемкий способ заставить лицо с большими полномочиями принять решение в свою пользу. Она по-своему демократична, уравнивает "верхи" и "низы", чиновников и просителей, преподавателей и студентов. С точки зрения "слабого", взятка пока она добровольна, необременительна и удовлетворяет реальные потребности, дело вполне нормальное и допустимое. В нашем случае, "все честно" – преподаватель получает деньги, которые ему не платит государство, студент – время, которое может потратить на что-нибудь более интересное, чем присутствие в вузе и прослушивание того, что, по его мнению, ему вряд ли пригодится. Гнев вызывает только "выбивание" услуги или завышение цены. В этом случае слабые могут использовать весь диапазон средств давления на сильных от "справедливых" доносов до физического насилия [1].

В четвертых, коррупция в экономической жизни представляет собой некоторое "горюче-смазочное" средство, позволяющее делать свое дело с минимизацией затрат на многочисленные согласования. Всеобщая бюрократизация, рост документооборота, огромные трудозатраты, связанные с должным оформлением необходимых документов и отчетности, провоцирует максимально эффективное, хотя и незаконное коррупционное поведение. Если в ситуации, где есть возможность через нарушение формальных правил (например, дачу взятки) получить новые возможности "для интересов дела", рациональный субъект их нарушит, даже если это увеличит риски, так как тот, кто следует правилам в такой ситуации, заранее обрекает себя на проигрыш в конкурентной борьбе [7].

Тем не менее, как показывают результаты исследований, между государственной коррупцией и эффективностью государственного управления существует очень жесткая взаимосвязь. Если эффективность государственного управления измерить богатством страны, выраженном в валовом внутреннем продук-

те, отнесенном к числу жителей страны (ВВП на душу), то коэффициент корреляции между этими двумя характеристиками равен 0,87, что свидетельствует об очень высокой статистической зависимости [12,с.7]. Коррупция способствует негативному экономическому отбору, когда не самые эффективные в организационном плане предприятия становятся победителями в конкурентной борьбе [11,с.119]. Общество, состоящее из индивидуумов, которые "заражены" коррупцией, превращается в общество, где коррупция становится нормальным явлением – традицией. Таким образом, возникает "порочный круг коррупции", когда новое поколение страдает от первородного греха взяточничества предшественников. В этой модели более вероятен переход общества с низкого уровня коррумпированности на более высокий, чем наоборот [6].

Принято считать, что сложившаяся в советское время система высшего образования имела относительно низкую коррупционную составляющую, что подкреплялось высокими окладами профессорско-преподавательского состава, серьезными репутационными издержками в случае нарушений и высокой мотивацией студентов. Существующие неформальные традиции (цветы, подарки, организация банкетов) вполне вписывались в существующую систему отношений и не несли деструктивных последствий. С 90-х годов прошлого века в ходе социально-экономических преобразований социальный статус преподавателей высшей школы существенно изменился: должностные оклады стали значительно отставать от средней зарплаты специалистов в бизнес-структурах и промышленности, обладающих даже меньшей профессиональной квалификацией. Материальная несостоятельность усилилась серьезными репутационными издержками и появлением альтернативных эталонов социального успеха для достижения которых, высоко ценимые качества работников высшей школы (научная добросовестность, высокий интеллект, терпимость к другому мнению и т.д.) оставались невостребованными. Тенденция к росту всеобщего высшего образования значительно ослабила механизмы конкуренции и отсева. В этих условиях сдерживающие коррупционное поведение факторы ослабли, что и да-

ло рост уровня коррупции, отраженный как в повседневных разговорах, слухах и сплетнях, так и некоторых научных исследованиях, рассматривающих этот комплекс проблем.

В аналитическом докладе "Коррупция в образовании в современной России", сделанным В.В.Паниным от имени общества защиты прав потребителей образовательных услуг, подчеркивается, что объем коррупционных сделок в отечественном образовании составляет около 5,5 млрд. долларов (данные экспертов), что равно бюджету небольшого государства. Так как образование является единственным способом передачи опыта и ценностей поколений, системой действующих институциональных связей, задающих общие параметры жизнедеятельности общества, коррупция в этой сфере создает прямую угрозу не только социально-экономическому положению страны, но и интересам национальной безопасности и государства.

Рассматривая юридическую составляющую коррупции, авторы доклада отмечают ее разнообразие форм.

В качестве профилактических мероприятий при выявлении фактов коррупции в системе образования рекомендуется предавать их широкой огласке, привлекая для этих целей СМИ, а также общественные организации. Автор доклада рекомендует следующий комплекс пропагандистских и законодательных мероприятий. В первом случае, речь идет о стимулировании деятельности общественных организаций, отслеживающих случаи, практику и методологию коррупции в образовании России, разработке и постоянному применению и использованию в средствах массовой информации индексов уровня коррумпированности в образовании, информирования населения о действиях наиболее "выдающихся представителей" низовой коррупции.

Во втором, необходимо провести ревизию действующий нормативно-правовых актов в отношении снятия противоречий и прояснение "туманностей", пересмотра шкалы наказаний за коррупционные действия [8,37]. Работы других авторов например, Л.Сенчуковой и О. Гегечкори, выполнены в близком

"государственно-административном" и "нравственно-морализационном" аспекте и в целом скорее дополняют и уточняют друг друга (см. подробнее материалы С.Гуриев, Л.Сенчуковой, О.Гегечкори и др).

Недостатком предлагаемого подхода считаем как трогательную веру во всемогущество административных мер, так и отсутствие прогноза ожидаемых эффектов и побочных результатов введения комплексов контрольных мероприятий. Разделяя светлый идеализм борцов с коррупционерами, отметим, что убеждений в порочности коррупционных действий все же недостаточно для выработки адекватной стратегии, предлагаемый комплекс мер требует значительных затрат (ни где, кстати, не приведенных), возможно превышающих коррупционный ущерб, что первой реакцией на антикоррупционную мобилизацию будет скорее всего повышение "цены решения вопроса". Кроме того, незатейливое низовое взяточничество и рынок дипломов возникли и распространились в середине 90-х годов, как результат региональной автономии и минимизации возможностей центра (в лице министерства образования) контролировать по сути самодостаточные (на региональном и городском уровне) образовательные структуры.

В настоящий момент федеральные и региональные власти достаточно согласованы в действиях, что объективно способствует уменьшению объемов теневого рынка, даже проявления особой самостоятельной, вузовской активности в этом направлении. Центр создает такой масштабный (об эффективности говорить здесь не приходится) механизм контроля локальных региональных структур, который способен, с одной стороны перемолоть и уничтожить любую не санкционированную экономическую активность, с другой, сам в перспективе становится источником коррупционной угрозы (подробнее о регионализации Л.Бляхер [3]).

Отметим две работы, где затронутый комплекс проблем рассматривается в несколько иной перспективе. Авторы обоих исследований используют несколько иной концептуальный аппарат и предлагают комплекс мероприятий,

ориентированных не столько на борьбу с коррупционными проявлениями, сколько на вытеснение этих ситуаций через создание альтернативных приоритетов.

В исследовании Н. Шушковой и О. Лейбовича (работа построена на фокусированных интервью в Пермском крае) подчеркивается бытовой, практически домашний и незатейливый характер коррупционных сделок. Преподаватели – берут, студенты – дают, родители – выделяют средства. Коррупция на экзаменах – специфика нашей страны, не имеющая по утверждению экспертов аналогов в мире. Оценка в обмен на деньги – результат рационального выбора как последствия культурного шока модернизационных реформ. Именно культурный шок, содержанием которого выступает отказ от преподавательского этоса, испытанный профессиональным педагогическим сообществом, выступает основой коррупционного поведения. За двадцать лет (то есть при жизни одного поколения) преподаватель вуза дважды сменил свой статус от высокооплачиваемого советского специалиста высокой квалификации (примерно начальника цеха) до доцента с жалованием уборщицы и далее до офисного клерка, обслуживающего капризных не всегда дееспособных студентов. Причем в последнем случае, он еще должен, мирясь с невысокой зарплатой, качественно, по измеряемым количественным параметрам вести отчетную документацию, которая выступает ключевой оценкой его действий. Студенческое сообщество, пропитанное духом консюмеризма, в основе которого лежит формула подкрепления жизненного успеха материальными активами, не признает ценности знаний без прагматичной составляющей. "Бедный, значит глупый", – так огрублено можно сформулировать тиражируемый обществом потребления жизненный стиль, разделяемый студенческим контингентом большинства провинциальных вузов. В этом случае коррупционное поведение следует рассматривать скорее как компенсаторную реакцию. С одной стороны это нелегальная плата за образовательную услугу (даже платный студент платит вузу, а не преподавателю за его труд, так что преподаватель считает себя морально оправданным в этом

действию), с другой – удовлетворение спроса на статус диплома (симулякр образованности), а не на знания. Если есть спрос, значит, будет и предложение.

Культурный шок, не преодолевается административными мерами, так как они не гасят потребности в симулякрах вместо знаний и меряют свои успехи только деньгами. Вуз должен выработать концепцию развития на исторически сложившихся принципах университетской этики, а не этики бизнеса или социального убежища [15].

В работе К. Титаева "Академический сговор" проблема взяточничества рассматривается в более широком контексте, контексте сговора, а именно ситуации, когда два участника начинают действовать совместно, нанося ущерб третьим лицам или уменьшая общий выигрыш. Сговор возникает неочевидным образом (то есть элементы и условия сговора могут не проговариваться) в ходе однотипных действий, он доброволен для групп, но не для индивидов и дает серьезные конкурентные преимущества его участникам. Из сговора невозможно выйти, не потеряв эти преимущества, и разрушен он может только внешним субъектом. С экономическими элементами сговора более или менее все понятно (торговцы на рынке могут подкручивать весы и снижать цены, что делает неконкурентоспособным честного продавца), но как это работает в образовании? Автор исследования предполагает, что в середине 90-х годов те преподаватели, которые ставили незаслуженные оценки студентам получали ощутимые конкурентные преимущества: они тратили меньше сил и времени на подготовку, к ним не было претензий у руководства, они не испытывали давления и жалоб студентов. Отношения "преподаватель – студент" строились как скоординированные стратегии минимизаций усилий и обоюдных вознаграждений. Обычно сговор предупреждается за счет индивидуальной конкуренции преподавателей и студентов (как в западных вузах) или поддержания высоких корпоративных стандартов (как в СССР). Образовательные системы, возникающие на пустом месте с высокой скоростью, способствуют сговору (в Советском Союзе чаще всего сговоры возникали в отраслевых вузах). Проблема в том, что при

сговоре невыгодно преподавать и работать хорошо, так как это лишает конкурентных преимуществ. Ни профессура, ни студенчество, ни администрация не в состоянии переломить ситуацию, и, не смотря на степень осознания социальных рисков как таковых, сговор обладает большей внешней побудительной силой по отношению к его участникам. Принять можно любые этические стандарты, но стимулы к их реализации будут минимальными.

В истории есть три модели внешнего разрушения таких сообществ: индийская (создание маленьких сильных университетов для профессионалов высокой квалификации); эстонская (слом всей системы образования и построение новой), американская (точнее ассоциативная, действующая по аналогии с американской медицинской ассоциацией, предусматривающая регулярное ужесточение требований). В целом, модель разрушения сговора подтверждает то, что успешность мероприятий зависит от команды, находящейся вне образовательной системы, но обладающей возможностью устанавливать и контролировать профессиональные стандарты [14].

Как уже было сказано, в системе высшего образования с середины 90-х возник и развивался рынок теневых коррупционных услуг с соответствующими механизмами формирования тарифов, систем посредников и вовлечения новых членов. Реакция руководства системы образования и администрации вузов строилась в основном на действиях репрессивного, локального характера, что отчасти, как-то решало возникающие проблемы, однако, в целом, не усиливало позитивную репутацию и не формировало новый имидж.

Рассматривая пути исследования такого комплекса проблем в рамках среднестатистического провинциального вуза, выделяем следующие цели и задачи: разработать комплекс рекомендаций, направленных на снижение возможностей участников взаимодействия вступать в коррупционные отношения в рамках академического процесса; выяснить (на основе ответов студентов) коррупционный охват, т.е. долю респондентов, хотя бы раз в период учебы попадавших в коррупционную ситуацию; выявить структуру мотиваций студентов в

коррупционной ситуации. Под мотивом здесь понимается совокупность мнений, обосновывающих поведение; выяснить совокупность мнений студентов о тех мотивах, которыми руководствуются преподаватели – участники коррупционных ситуаций; определить локальные проявления и характеристики коррупционных ситуаций; определить ведущие динамические характеристики коррупционных показателей в вузе.

Основные понятия, процедура измерения и схемы, используемые в исследовании, построены на исследовании, проведенной в 2010 году по заказу Министерства экономического развития РФ и Фондом "Общественное мнение". Приводим их целиком:

1. Коррупционный охват — доля респондентов, хотя бы раз в жизни попадавших в коррупционную ситуацию.

2. Риск попадания в коррупционную ситуацию — это шанс попадания в коррупционную ситуацию при произвольном контакте с представителями государства.

3. Готовность давать взятку — это шанс, что респондент даст взятку при попадании в коррупционную ситуацию.

4. Интенсивность коррупции — оценка среднего числа взяток за год среди граждан, дающих взятки.

5. Средний размер взятки (среди дающих взятки).

6. Среднегодовой рынок коррупции — оценка суммы взяток, передаваемых взяткодателями взятополучателям на рынке бытовой коррупции в течение года. [13]

На основании перечисленных характеристик вычисляются и другие, позволяющие с помощью процедур нормирования учитывать экономическую динамику и строить показатели более общего характера.

В ходе исследования было опрошено методом случайной пропорциональной выборки 342 студента. Несмотря на небольшой объем, считаем выборку вполне репрезентативной и вполне адекватно отражающей общую совокуп-

ность мнений по изучаемой проблеме с допустимым диапазоном погрешности в рамках организации. Опрос проводился перед началом занятий в поточных аудиториях с соблюдением всех требований репрезентативности.

Половина опрошенных характеризует себя как студентов с высокой успеваемостью, проживающих с родителями и идентифицирующих свое материальное положение на уровне низшей грани "среднего класса". В целом, судя по ответам, большая часть принявших участие в опросе ориентирована (декларирует) на социально одобряемый высокий уровень учебных притязаний, проживает в условиях относительного материального благополучия и относительной защищенности.

Начнем с того, что большая часть студентов (85,2 %), определяя содержания понятия "коррупция", связывает сущностные черты этого явления с нарушением принципа равных возможностей за денежное вознаграждение. Ответы с ключевыми словами "за деньги", "вне общих оснований", "незаконные справки", давались чаще всего. Более терпимо студенты относятся к ситуациям (по сути, представляющим то же самое коррупционное явление), в описании которых используются слова "подарок" и "льгота" (около 20 % ответов). Тем не менее, просматривается общая тенденция (подтверждаемая экспрессивными "свободными ответами") публичной негативной оценки коррупционного поведения. При ответе на вопрос: "Как вы думаете, есть ли в нашем ВУЗе факты коррупции" одна пятая студентов отрицает наличие коррупционных ситуаций. Остальные же признают наличие этого явления, различаясь между собой в оценке частоты проявления коррупции. Однако, на вопрос "Попадали ли вы лично в коррупционную ситуацию?" положительный ответ дают только 20,7 % опрошенных. Учитывая определенную латентность данной проблемы и возможно не особенно высокую мотивацию респондентов откровенно отвечать на прямые вопросы, можно сделать вывод, что как минимум каждый пятый студент был (и не отрицает этого) участником коррупционной ситуации.

Различия в объемах между гипотетической и реальной ситуацией позволяют выдвинуть предположение о том, что слухи о коррупции значительно превышают факты реальных коррупционных ситуаций. Скорее речь идет о том, что в различных ситуациях студенты, преподаватели и посредники проявляют повышенную инициативу в разрешении сложившейся ситуации. Начинают действовать механизмы группового давления и идут поиски вариантов наиболее безопасного ее решения. Словом, обычный сценарий, судя по ответам и некоторым косвенным данным, выглядит следующим образом: некоторая неопределенность ситуации (возможно высокие требования, рассказы старшекурсников о предыдущих случаях, репутация преподавателя и т.д.) активно обсуждается в группе. Далее находится вариант решения проблемы (сумма, механизм безопасной передачи), посредник и удовлетворяющий всех результат. Здесь варианты риска сведены к минимальному. В целом, по мнению студентов, преподаватели практически не отказываются от подобного решения, но при этом респонденты не особенно склонны обвинять преподавателей в росте коррупционных проявлений, признавая более высокую активность за студентами и посредниками.

Полученные в ходе опроса данные не позволяют дать оценку коррупции как массовому явлению, и студенты не склонны драматизировать ситуацию, скорее говоря о некоторой стабилизации и уменьшении масштабов коррупционных отношений. Основным ограничителем здесь служит вполне позитивная декларируемая студентами мотивация "на честную учебу".

Проблема реконструкции мотивов – одна из наиболее дискуссионных проблем в социальной и психологической науке. В нашем случае мы считаем, что выбор той или иной формулы мотивации в целом соответствует комплексу побудительных когнитивных и эмоциональных паттернов, определяющих основные поведенческие характеристики. Если студент боится преподавателя и считает, что без взятки ему невозможно сдать материал, то этот комплекс убе-

ждений (вне зависимости от его адекватности) будет стимулировать его на поиск способов решить проблему коррупционным способом.

Судя по ответам респондентов, основными причинами, по которым стороны вступают в коррупционные отношения, выступают: личностные характеристики преподавателя (36,8%), сложность материала (29,4%) и потребность в свободном времени (23,8%). Соответственно, в определенную «зону риска» попадают ситуации, где личностная репутация преподавателя усиливается сложностью предмета и небольшим количеством свободного времени студента (работающие студенты в этом случае автоматически попадают в «группу риска»).

Отметим, что большинство студентов уверенно называют тарифы на существующие академические оценки. По нашим наблюдениям (и некоторым косвенным данным, «всплывающих» в социальных сетях), большинство вполне адекватно представляет тот диапазон расценок, который существует на теневом рынке.

С позиции студентов преподавательская мотивация выглядит более или менее однородной, и около 40 % уверенно укладывают все многообразие мотивов работников Высшей школы в формулу: «Согласится». Отметим, что первая, вторая и третья мотивировка имеет скорее подчиненный характер. Активную мотивацию (вымогательство) приписывают преподавателям только 18,8 % студентов.

Студенты в целом выше оценивают антикоррупционную составляющую своего учебного заведения. Всем вузам города дается невысокая оценка. Причину такого состояния (ниже удовлетворительного) студенты склонны приписывать собственной слабой подготовке и невысокой мотивации, а так же низкому уровню заработной платы преподавателей. В качестве мер студентами предлагается повышение уровня оплаты труда педагогов и создание контрольных механизмов. Подведем некоторые выводы.

1. В настоящий момент ситуация с коррупционными проявлениями в вузе стабилизировалась. Судя по полученным данным, нет серьезных основа-

ний полагать, что сейчас происходит рост коррупционного поведения. 20% (число, признающих личное попадание в коррупционную ситуацию) предлагается взять в качестве контрольной для последующих исследований. Соответственно, изменение этого процентного содержания ответов будет показывать рост или снижение коррупционных проявлений.

2. Тем не менее, есть определенная совокупность личностных, технологических и организационных факторов, стимулирующих коррупционное поведение. Личная репутация преподавателя, сложность материала и отсутствие должного количества свободного времени – эти условия провоцируют в наибольшей степени деструктивную, в отношении достижения образовательных целей, активность. Мотив компенсации дискриминированного статуса выступает, как правило, оправданием коррупционного поведения.

3. Студенты в своем большинстве декларируют вполне позитивные установки и готовность к обучению. Отметим, что в материалах опроса практически отсутствовали обвинения преподавателей, и скорее ответственность переносилась на собственное поведение (лень, слабый уровень подготовки и др.). Судя по беседам, для студента мотивация включения в коррупционную ситуацию представляет собой либо акт отчаянья («слабая подготовка и никогда не смогу сдать»), либо сделку («я заработаю за семестр 30 тысяч и 5 отдам за экзамены, зато все остальное время свободен»), либо самоутверждение («мне вообще ничего не нужно, берите деньги и отстаньте»). Так как, видимо, студенты хорошо знают поставщиков услуг, действующие на этом рынке тарифы и формы обращений, то мы имеем дело с латентными индивидуализированными сделками, в разглашении которых не заинтересован ни один из участников.

4. По результатам опроса, предлагаемый комплекс мероприятий должен начинаться с повышения уровня оплаты преподавателей, за которым следуют принятие этических обязательств и установление контрольных процедур.

Весь комплекс мероприятий по снижению числа коррупционных ситуаций может быть условно разделен на две части: административную и структур-

ную. Как уже отмечалось выше, административные меры не всегда дают ожидаемый эффект и чаще всего повышают цену вопроса, структурные (направленные на преодоление сговора и последствий культурного шока) могут быть осуществлены только при системном внедрении на общероссийском уровне. Они играют роль идеальных мер вытеснения коррупционных ситуаций.

Административные меры.

- Нормативные: принятие корпоративного кодекса и внесение дополнительных условий в трудовой договор;
- Контрольные: регулярная аттестация персонала, с учетом мнения и оценок студентов;
- Исследовательские: мониторинг коррупционных рисков, проведение фокус групп и экспертных интервью;
- Общественные: создание комиссии по соблюдению академической этики;
- Информационная: проведение публичных дискуссий и конференций о влиянии коррупции на развитие российского общества.

Структурные меры.

- Создание нового принципала – субъекта, способного к управлению высшим образованием, но находящегося вне системы высшего образования, с широкими полномочиями (аналог западных советов университета);
- Повышение базовых окладов профессорско-преподавательского состава до уровня, в два раза превышающий уровень средней заработной платы в регионе, с введением нового корпоративного кодекса и переаттестацией кадров.

Структурные изменения в вузе – перенос принятия ключевых решений и ответственности вниз до уровня кафедры или деканата с расширением полномочий ресурсной базы. Введение плановых показателей развития для каждого подразделения. Переход к оценочным критериям научной состоятельности.

Список литературы

1. Аверкиев И. Взятка как инструмент социальной борьбы // Отечественные записки. № 2 (47). 2012. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/vzyatka-kak-instrument-socialnoy-borbu> (дата обращения: 11.04.2013).
2. Антикоррупционная политика. Под ред. Г.А.Сатарова. М.: Фонд ИНДЕМ, РА "СПАС", 2004. URL: <http://www.indem.ru/corrupt/Uc2004/UcAKP2004.htm> (дата обращения: 11.04.2013).
3. Бляхер Л. Региональные бароны. Отечественные записки. № 3 (48). 2012. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/regionalnye-barony> (дата обращения: 11.04.2013).
4. Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МиК, 1994. С. 136.
5. ИИДЕМ публикации фонда. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indem.ru/russian.asp>. (дата обращения: 11.04.2013).
6. Левин М. Коррупция как объект математического моделирования [Электронный ресурс]. URL: www.adm.yar.ru/center/admref/napravlenie/optimiaz/.../rev.pdf. (дата обращения: 11.04.2013).
7. Панях Э. Горюче-смазочное средство. Отечественные записки. № 2 (47). 2012. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/goryuche-smazochnoe-sredstvo> (дата обращения: 11.04.2013).
8. Панин Д. Коррупция в образовании в современной России // Ректор вуза. 2010. № 8. С.36-43.
9. Рогозин Д. Российская коррупция в рассказах участников Отечественные записки. № 2 (47). 2012. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/rossiyskaya-korrupsiya-v-rasskazah-uchastnikov> (дата обращения: 11.04.2013).

10. Розов Н. Стратегия нового принципала. Отечественные записки. № 2 (47). 2012. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/strategiya-novogo-principala> (дата обращения: 11.04.2013).

11. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы – пер. с англ. О. А. Алякринского. М.: Логос, 2003. 343 с.

12. Сатаров Г. Как измерять и контролировать коррупцию // Вопросы экономики. 2007. №1 С. 4-10.

13. Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации. Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение». [Электронный ресурс]. URL:

http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/116f09004739f0c7a2a4eeb4415291f1/doklad_kor.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=116f09004739f0c7a2a4eeb4415291f1 (дата обращения: 11.04.2013).

14. Титаев К. Академический сговор. Отечественные записки. № 2 (47). 2012. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/akademicheskiiy-sgovor> (дата обращения: 11.04.2013).

15. Шушкова Н., Лейбович О. Профессиональные сообщества за границами публичности. Отечественные записки. № 1 (46). 2012. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/professionalnye-soobshchestva-za-granicami-publichnosti> (дата обращения: 11.04.2013).

References

1. Averkiev I. Vzyatka kak instrument sotsial'noy bor'by [Bribe as an instrument of social struggle]. *Otechestvennye zapiski*, no. 2 (2012). <http://www.strana-oz.ru/2012/2/vzyatka-kak-instrument-socialnoy-borby>

2. *Antikorrupsionnaya politika* [Anticorruption policy]. Pod red. G.A.Satarova. М.: Fond INDEM, RA "SPAS", 2004. <http://www.indem.ru/corrupt/Uc2004/UcAKP2004.htm>

3. Blyakher L. Regional'nye barony [Regional barons]. *Otechestvennyye zapiski*, no. 3 (2012). <http://www.strana-oz.ru/2012/3/regionalnye-barony>
4. Geller M. Ya. *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [Machine and screws. The history of the formation of the Soviet man]. Moscow, 1994. p.136.
5. *IIDEM publikatsii fonda* [IIDEM publication fund]. <http://www.indem.ru/russian.asp>.
6. Levin M. *Korrupsiya kak ob"ekt matematicheskogo modelirovaniya* [Corruption as an object of mathematical modeling]. <http://www.adm.yar.ru/center/admref/napravlenie/optimiaz/.../rev.pdf>.
7. Paneyakh E. *Goryuche-smazochnoe sredstvo* [Fuel and lubricant]. *Otechestvennyye zapiski*, no. 2 (2012). <http://www.strana-oz.ru/2012/2/goryuche-smazochnoe-sredstvo>
8. Panin D. *Rektor vuza*, no. 8 (2010): 36-43.
9. Rogozin D. Rossiyskaya korrupsiya v rasskazakh uchastnikov [Russian corruption in the stories of the participants]. *Otechestvennyye zapiski*, no. 2 (2012). <http://www.strana-oz.ru/2012/2/rossiyskaya-korrupciya-v-rasskazah-uchastnikov>
10. Rozov N. *Strategiya novogo printsipala* [The strategy of the new principal]. *Otechestvennyye zapiski*, no. 2 (2012). <http://www.strana-oz.ru/2012/2/strategiya-novogo-principala>
11. Rouz-Akkerman S. *Korrupsiya i gosudarstvo: Prichiny, sledstviya, reformy* [Corruption and Government: Causes, consequences, reforms]. Moscow, 2003. 343 p.
12. Satarov G. *Voprosy ekonomiki*, no. 1 (2007): 4-10.
13. *Sostoyanie bytovoy korrupsii v Rossiyskoy Federatsii* [State of everyday corruption in the Russian Federation]. *Obshcherossiyskiy obshchestvennyy fond «Obshchestvennoe mnenie»*. <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/116f09004739f0c7a2a4eeb4415291f1>

/doklad_kor.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=116f09004739f0c7a2a4eeb4415291f
1

14. Titaev K. Akademicheskiy sgovor [Academic conspiracy]. *Otechestvennyye zapiski*, no. 2 (2012). <http://www.strana-oz.ru/2012/2/akademicheskiy-sgovor>

15. Shushkova N., Leybovich O. Professional'nye soobshchestva za granitsami publichnosti [Professional networks outside the public]. *Otechestvennyye zapiski*, no. 1 (2012). <http://www.strana-oz.ru/2012/1/professionalnye-soobshchestva-za-granicami-publichnosti>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Феоктистов Андрей Владимирович, проректор по учебной работе, кандидат технических наук, доцент

Сибирский государственный индустриальный университет

ул. Кирова, 42, г. Новокузнецк, 654007, Россия

utu@sibsiu.ru

Пустовойт Юрий Александрович, директор Центра практической социологии и психологии, кандидат политических наук, доцент

Сибирский государственный индустриальный университет

ул. Кирова, 42, г. Новокузнецк, 654007, Россия

pustovoit1963@gmail.com

Мартыненко-Фриауф Алексей Александрович, психолог Центра практической социологии и психологии

Сибирский государственный индустриальный университет

ул. Кирова, 42, г. Новокузнецк, 654007, Россия

fagot1974@ya.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Feoktistov Andrey Vladimirovich, Vice Rector for Academic Affairs, Cand. of Eng. Sc., Asc. Prof.

Siberian State Industrial University

42, Kirova str., Novokuznetsk, 654007, Russia

umu@sibsiu.ru

Pustovoit Yuri Aleksandrovich, Cand. of Polit. Sc., Asc. Prof., Director of the
Center practice of sociology and psychology

Siberian State Industrial University

42, Kirova str., Novokuznetsk, 654007, Russia

pustovoit1963@gmail.com

Martynenko-Friauf Alexey Aleksandrovich, psychologist Center practice in
psychology and sociology

Siberian State Industrial University

42, Kirova str., Novokuznetsk, 654007, Russia

fagot1974@ya.ru

Рецензент:

Макарчева Е.Б., к.и.н., доцент